

Галиева М. А. Фольклорная традиция в поэме В. В. Маяковского «Про это» / М. А. Галиева // Научный диалог. — 2015. — № 6 (42). — С. 8—20.



УДК 821.161.1Маяковский.08:[398.21+398.332.416]

Фольклорная традиция в поэме В. В. Маяковского «Про это»

© Галиева Марианна Андреевна (2015), аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва), marianna.galieva@yandex.ru.

Статья посвящена анализу поэмы В. В. Маяковского «Про это», которая подвергалась резкой критике при жизни поэта. Большое внимание уделено истории изучения фольклорной традиции в творчестве поэта. Поэма «Про это» анализируется с позиций исторической поэтики. Проводятся параллели с русской сказкой, с текстом поэмы С. А. Есенина «Пугачев». Сложное взаимодействие двух систем, фольклорной и литературной, интересовавшее фольклористов (А. А. Горелов, Д. Н. Медриш, И. П. Смирнов, А. Л. Налепин), нашло отражение в поэме Маяковского. Анализ поэмы показывает, что автор не просто следовал за фольклорной традицией, а вступал с ней в поэтический «диалог-спор». Поэт обращался к архетипическим моделям, к культуре предков, выраженному в образе животного-тотема. Сопоставление текста поэмы Маяковского с текстами, представляющими архаическую сказочную традицию, позволяет выявить «не бытовой план» поэмы. Большое внимание уделено архетипическим построениям и воссозданной в тексте ритуальной действительности. Прикладной аспект исследования состоит в возможности использования результатов в учебной практике, а именно в преподавании таких дисциплин, как русский фольклор, русская литература XX века.

Ключевые слова: миф; фольклор; литература; Маяковский; сказочная традиция.

1. Введение

Проблема фольклоризма в творчестве В. В. Маяковского по-настоящему не разработана, даже упущена из виду исследователями, хотя существует ряд статей еще довоенного времени (30—40-е гг.), в которых поднималась тема «Маяковский и фольклор». Так, в журналах «Литературный современник», «Литературный критик» вышли статьи А. Дымшица [Дымшиц, 1936; Дымшиц, 1940], И. Дукора [Дукор, 1940, с. 122—143], в «Новом мире» напечатана статья В. К. Красильникова «К вопросу о народности Маяковского» [Красильников, 1937, с. 239—245], однако все эти исследования носят фрагментарный характер. Данная проблема начала вновь затрагиваться в 50—60-е гг. в работах П. Выходцева, И. Правдиной, Д. Молдавского, А. Мордвинцева, а также Е. И. Наумовым был разработан семинарий «В. В. Маяковский» [Наумов, 1963], в котором косвенно затрагивались вопросы, связанные с фольклорными элементами в творчестве поэта. Время «обусловило» эти работы: фольклорная традиция в поэтике Маяковского рассматривалась преимущественно как стилизация, следование за фольклором. По-новому, в теоретическом ключе, эта проблема начала возникать только в трудах И. П. Смирнова [Смирнов, 1978, с. 195], Д. Н. Медриша [Медриш, 1980]. Стоит обратить внимание также на то, что для исследования фольклорной традиции в творчестве поэта избирались главным образом ранние его произведения, которые связаны с особой мифопоэтикой, проблемой космизма [Альфонсов, 1966, с. 95—96]. По этим причинам говорить о фольклорной традиции в поэме «Про это» несколько затруднительнее, чем о ее развитии в поэмах «Человек» или «Облако в штанах», однако текст поэмы, ее «внутренний сюжет» выстраивается по особым законам фольклорной логики, которые и будут предметом нашего рассмотрения.

2. Концепция «нового человека» и фольклорный код в поэме

В поэме «Про это» представлено рождение нового человека. Исследователи указывают на «условия создания поэмы», которые были необычными для поэта: «Он писал ее в период добровольного домашнего “заключения”, к которому как бы приговорил себя ровно на 2 месяца, чтобы наедине с самим собой разобраться во всем, что вставало неотступной, еще нерешенной темой: каким должен быть новый человек, его мораль, его любовь, его быт?» [Маяковский, т. 4, с. 436]. Думается, что поэма «Про это» не просто о быте, ее нужно рассматривать в контексте как позднего, так и раннего творчества (одна отсылка к поэме «Человек», написанной за семь лет до этого, заставляет прочесть обе вещи в контексте одной традиции).

Очень точно определил тему, внутренний сюжет поэмы «Про это» З. С. Паперный, увидевший в произведении «борьбу» за *себя нового*: «Человек, который в борьбе со старым миром борется и с пережитками прошлого в самом себе — таким все более явственно предстает перед нами лирический герой поэмы» [Паперный, 1958, с. 240]. Интересно, каким образом происходит эта борьба, рождение в ней нового человека. В контексте нашей темы, фольклорной традиции в творчестве поэта, в первую очередь, обращает на себя внимание то, что лирический герой «размедвеживается»:

Вчера человек —

единым махом

клыками свой *размедведил вид я!*

Косматый.

Шерстью свисает рубаха.

[Маяковский, т. 4, с. 146]

Для чего нужен именно такой образ, сравнение себя с медведем? В этом случае вспоминается не только *травестирование, облачение себя* то Знакомой, то Каменной бабой [Лахти, 2008, с. 107] (трагедия «Владимир Маяковский»), то шутком (поэма «Облако в штанах»), то Иваном-конем (поэма «150000000»), но и есенинский «Пугачев»

с уподоблением главного героя медведю. Стоит отметить, что в обеих поэмах есть одна общая деталь — «падающий лист»:

Знаешь ли ты, что осенью медвежонок

Смотрит на луну,

Как на вьющийся в ветре лист?

[Есенин, т. 3, с. 21]

У Маяковского медведь, ревуший от боли, бунтующий зверь, сотрясает все вокруг:

Вот так медведи именно могут:

недвижно,

задравши морду,

как те,

повыть,

извыться

и лечь в берлогу,

царапая логово в двадцать когтей.

Сорвался лист.

[Маяковский, т. 4, с. 147]

Итак, одна и та же деталь упомянута разными поэтами, в разных контекстах, однако в одной ритуальной ситуации — уподобление себя медведю, причем у Есенина л у н а к а к л и с т (действие происходит осенью), а у Маяковского, в поэме которого действие также происходит по осени, — «сорвался лист», «лечь в берлогу». В этом контексте, на наш взгляд, необходим один этнографический комментарий. У славян существовали «змеиные» дни, когда змеи осенью прятались под камень, и считалось, что таким образом обновлялся годовой цикл [Рыбаков, 1994, с. 200]. Как известно, медведь, по славянским представлениям, связан не только с брачной, свадебной символикой, но и с календарным циклом. Думается, что в поэтике Маяковского проявлена именно эта традиция. Обращение к фольклору, к тотемическим временам, приводит поэта и его нового героя (ведь Маяковский создавал нового героя) к космическо-

му обновлению человека, страны (как в поэме «150000000»), Вселенной. Может быть, текст Маяковского не имеет прямой переключки с есенинским «Пугачевым», но оба поэта интуитивно обратились к одному и тому же архетипу, образу животного-тотема, связанного *со знаниями предков*. Можно сказать, что и в такой форме выразился отпор «будничной чуши», мещанству, против которого особенно активно выступал Маяковский в последние годы творчества (одной из причин, из-за которой не приняли поэму «Про это» критики и коллеги по цеху, была открытая борьба поэта с мещанским взглядом на искусство. Подробнее об этом — в указанной статье З. С. Паперного). На эту архаическую связь, *преemptивность мифа* указывает и отчетливо просматривающийся в поэме архетип дороги, выраженный, думается, семантически однозначно:

Подо мной подушки лёд.

С Ладоги дует.

Вода бежит.

Летит подушка-плот.

Плыву.

Лихорадюсь на льдине-подушке.

[Маяковский, т. 4, с. 149]

Здесь обратимся к образному строю русской загадки о смерти, об «уточке на плоту», где плот — способ переправы в мир мертвых, в страну предков:

Сидить утка

На тату-плоту;

Никто отъ нея не уйдеть:

Ни царь въ Москвѣ,

Ни король въ Литвѣ,

Ни рыба въ морѣ,

Ни звѣ рь въ полѣ (норѣ).

[Загадки..., 1876, с. 252]

Так, лирический герой Маяковского плывет на плоту, «лихорадясь» и видя перед собой «второго человека», как бы придуманного им самим:

Он!

Он —

у небес в воспалённом фоне,
прикрученный мною, стоит человек.

Стоит.

[Маяковский, т. 4, с. 150]

В контексте фольклорной традиции становится вполне понятным, для чего Маяковский вводит в строй поэмы *alter ego* — чтобы произошло обновление человека, нужно преодолеть свою прежнюю суть. Идею отречения от самого себя и обретения себя в новом качестве находим и в поэме «Человек», с которой явно перекликается поэма «Про это». В последней части поэмы «Человек» поэт говорит об отпевании самого себя:

Небо какое теперь?

Звезде какой?

Тысячью церквей

подо мной

затянул

и тянет мир:

«Со святыми упокой!»

[Маяковский, т. 1, с. 272]

В данном контексте важно еще обратить внимание на то, что герой говорит о себе как о «слепом»:

Глаза слепые,

голос нем.

[Маяковский, т. 1, с. 257]

Важность подобной характеристики состоит в том, что в фольклорной погребальной традиции покойника характеризуют как

незрячее существо: «в момент смерти с его зрением происходят явные изменения, наступает, если можно так сказать, смена “виденья”, он теряет способность видеть как живые» [Никитина, 2008, с. 16]. Мотив «ожившего покойника», фарсовое умерщвление себя самого означает в поэтике Маяковского обретение новых знаний героем посредством инициации. Кроме того, анализируя присутствующий в тексте поэмы «Про это» образ человека, «прикрученного» к небу, можно говорить о мотиве «небесного ограждения» — в значении ряжения, одевания светилами, то есть обретения нового знания. Ср.: «Читающий заговор не только окружает себя тыномъ, но еще одѣвается небомъ, покрывается облаками, подпоясывается ясными зорями, обсаживается частыми звѣздами и т. д.» [Познанский, 1995, с. 254]. Как в поэтике Есенина, так и в поэтике Маяковского этот мотив, в трансформированном виде, организовал особую образность и метафорику, которую, по известным причинам, отвергали имажинисты. Однако анализ поэтики показывает тесную связь с архаическими представлениями об обновлении Вселенной, о выходе человека из профанной длительности бездуховного времени, с которым боролся Маяковский.

В связи с этим можно вспомнить сказку про Ивана — Медвежье Ушко, героя, рожденного от женщины и медведя. Эта сказка, вероятно, связана с тотемическими представлениями о медведе. Конечно, некоторые этнографы вообще не ставят вопрос таким образом, отказывая в тотемизме восточным славянам [Токарев, 1957], однако, думается, в этом отношении важны труды В. Я. Проппа (о связи сказки с древними формами сознания, тотемическими мифами) и монография Н. В. Новикова, в которой сказка об Иване — Медвежьем Ушке представлена в ее связи с тотемическими верованиями предков [Новиков, 1974]. Иван — культурный герой, получивший знания от Медведя. Стоит обратить внимание на то, что герой Маяковского «омедвеживается» под Рождество, — в этом случае также можно говорить о следовании за фольклорной традицией. Образ медведя при-

надлежит брачной символике, что отразилось в ярынных песнях, являющих собой свадебный цикл. Этнограф, фольклорист Т. А. Бернштам отмечает «заклинательный» характер этих песен, в которых жених мыслился как медведь. Песенное *закливание на брак* «приурочивалось к рубежу осени и зимы (по природной примете: «Асінка чырванеець — дзяцюк шалеець / дурэе»), а символический пик — к празднику Рождества Христова» [Бернштам, 2011, с. 189]. Было бы несерьезным возводить текст Маяковского к какой-то одной разновидности мифолого-обрядовой символики (в этом случае можно отказаться от экспликации обрядово-свадебных коннотаций в тексте поэме), но сам факт обращения медведем под Рождество знаменателен и продиктован фольклорной логикой, хотя мы всегда настаиваем на непрямом следовании фольклорной традиции, на выявлении «внутренних» форм фольклоризма (этот вопрос в теоретическом ключе разработан А. А. Гореловым [Горелов, 1979, с. 35—36]).

Кроме того, в поэме элементом переправы в *иномир* выступает не только плот, но и сам лирический герой, который представлен медведем и кораблем:

Мачт крестами на буре распластан,
корабль кидает балласт за балластом. [Маяковский, т. 4, с. 159]

Представление тела кораблем встречаем в поэме Есенина «Пугачев», в которой отобразилась измененная *антропокосмическая модель*:

Я ж хочу научить их под хохот сабль
Обтянуть тот зловещий скелет *парусами*
И пустить его по безводным степям,
Как корабль. [Есенин, т. 3, с. 26]

В поэме и месяц предстает в виде ладьи, и тело человеческое:

Не удалось им на осиноый шест
Водрузить *головы моей парус*.

[Есенин, т. 3, с. 7]

Итак, мы выявили два фольклорных элемента, объединяющих поэмы Есенина и Маяковского, но на этом «ритуальный орнамент» не заканчивается. Особый интерес представляет то, что герой заявляет себя скоморохом:

Но чтоб теперь же...

чтоб это серьёзно... —

Слушали, улыбаясь, *именитого скомороха*. [Маяковский, т. 4, с. 163]

3. Выводы

Можно сделать заключение, что герой представлен Маяковским ряженым, медведем, кораблем, скоморохом в *пределах одного воссозданного в тексте произведения погребального комплекса*, все эти элементы позволяют выстроить «ритуальный орнамент» поэмы. И дело здесь даже не в переключке или поэтическом диалоге с Есениным, а в законах фольклора — именно это указывает на наличие элементов дожанровых образований в поэме и на то, что все эти образы в текстах обоих поэтов не случайны.

Сопоставление текста Маяковского с текстами, представляющими архаическую сказочную традицию, позволяет, по словам И. П. Смирнова, «извлечь архетипический смысл текста». Все это позволяет и нам, с определенной долей уверенности, поставить вопрос о трансформации фольклорной традиции и в позднем, послеоктябрьском творчестве В. В. Маяковского, когда связь с фольклором не только не исчезла, но, вероятно, углубилась и проявилась на разных уровнях текста.

Литература

1. *Альфонсов В. Н.* Поэт — живописец / В. Н. Альфонсов // Слова и краски : очерки из истории творческих связей поэтов и художников. — Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1966. — С. 95—96.
2. *Бернштам Т. А.* Появление на свет : Иван — Медвежье Ушко / Т. А. Бернштам // Герой и его женщины : образы предков в мифологии восточных славян. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2011. — С. 167—217.
3. *Горелов А. А.* К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» / А. А. Горелов // Русский фольклор. — Ленинград : Наука, 1979. — Т. XIX. — С. 31—48.
4. *Дукор И.* Маяковский — крестьянам / И. Дукор // Литературный критик. — 1940. — № 5—6. — С. 122—143.
5. *Дымшиц А.* Маяковский и народное творчество / А. Дымшиц // Красная новь. — 1936. — № 4. — С. 201—214.
6. *Дымшиц А.* Маяковский и фольклор / А. Дымшиц // Литературный современник. — 1940. — № 3. — С. 125—131.
7. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1997. — Т. 1—7.
8. *Загадки русского народа* : сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. — Санкт-Петербург : Типография Н. А. Лебедева, 1876. — 344 с.
9. *Красильников В.* К вопросу о народности Маяковского / В. Красильников // Новый мир. — 1937. — № 5. — С. 239—245.
10. *Лахти К.* Футуристическое жизнетворчество : «женское тело» в трагедии «Владимир Маяковский» / К. Лахти // Творчество В. В. Маяковского в начале XXI века : новые задачи и пути исследования. — Москва : ИМЛИ РАН, 2008. — С. 107—114.
11. *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. В. Маяковский ; АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. — Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961. — Т. 1—13.
12. *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция : вопросы поэтики / Д. Н. Медриш. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1980. — 296 с.
13. *Наумов Е. И.* В. В. Маяковский : семинарий / Е. И. Наумов. — Ленинград : Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1963. — 444 с.
14. *Никитина А. В.* Свечи в обрядах смерти / А. В. Никитина // Свеча в обрядах перехода. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. — С. 7—36.

15. *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки / Н. В. Новиков. — Ленинград : Наука, 1974. — 255 с.

16. *Паперный З. С.* Маяковский в работе над поэмой «Про это» (Три рукописи поэмы) / З. С. Паперный // Литературное наследство. — 1958. — Т. 65. — С. 217—284.

17. *Познанский Н.* Заговорные мотивы / Н. Познанский // Заговоры : опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. — Москва : Индрик, 1995. — С. 164—280.

18. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1994. — 790 с.

19. *Смирнов И. П.* Место «мифопоэтического» подхода к литературно-произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») / И. П. Смирнов // Миф — фольклор — литература. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 186—203.

20. *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов / С. А. Токарев. — Москва : Изд-во АН СССР, 1957. — 212 с.

Folk Tradition in V. Mayakovsky's Poem "About That"

© **Galiyeva Marianna Andreyevna (2015)**, post-graduate student, Department of History of Newer Literature and Contemporary Literature Process, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow), marianna.galiyeva@yandex.ru.

The article is devoted to V. Mayakovsky's poem "About That", which has been subjected to sharp criticism during the poet's life. Much attention is paid to the history of the study of folk tradition in the poet's works. The poem "About That" is analysed from the standpoint of historical poetics. The parallels are drawn with the Russian fairy tale and with the text of the poem "Pugachev" by S. Esenin. The complex interaction between the two systems, folklore and literature, that was of interested to folklorists (A. Gorelov, D. Medrish, I. Smirnov, A. Nalepin), reflected in Mayakovsky's poem. Analysis of the poem shows that the author does not simply follow the folk tradition, but engages in a "dialogue-debate". The poet turned to archetypal models, to the cult of

ancestor, expressed in the image of an animal totem. Comparison of the text of Mayakovsky's poem with the texts representing archaic fairy-tale tradition reveals "no household" plan of the poem. Much attention is paid to the archetypal construction and re-creation of ritual reality in the text. Applied aspect of research is in the ability to use the results in educational practice, namely in teaching subjects such as Russian folklore and Russian literature of XX century.

Key words: myth; folklore; literature; Mayakovsky; fairy-tale tradition.

References

- Al'fonsov, V. N. 1966. Poet — zhivopisets. *Slova i kraski: ocherki iz istorii tvorcheskikh svyazey poetov i khudozhnikov*. Moskva; Leningrad: Sovetskiy pisatel'. 95—96. (In Russ.).
- Bernshtam, T. A. 2011. Poyavlenie na svet: Ivan — Medvezh'e Ushko. *Geroy i ego zhenshchiny: obrazy predkov v mifologii vostochnykh slavyan*. Sankt-Peterburg: MAE RAN. 167—217. (In Russ.).
- Dukor, I. 1940. Mayakovskiy — krest'yanam. *Literaturnyy kritik*, 5—6: 122—143. (In Russ.).
- Dymshits, A. 1936. Mayakovskiy i narodnoe tvorchestvo. *Krasnaya nov'*, 4: 201—214. (In Russ.).
- Dymshits, A. 1940. Mayakovskiy i folklor. *Literaturnyy sovremennik*, 3: 125—131. (In Russ.).
- Esenin, S. A. 1997. *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t.* Moskva: Nauka; Golos. (In Russ.).
- Gorelov, A. A. 1979. K istolkovaniyu ponyatiya «folklorizm literatury». *Russkiy folklor*. Leningrad: Nauka. XIX: 31—48. (In Russ.).
- Krasil'nikov, V. 1937. K voprosu o narodnosti Mayakovskogo. *Novyy mir*, 5: 239—245. (In Russ.).
- Lakhti, K. 2008. Futuristicheskoe zhiznetvorchestvo: «zhenskoe telo» v tragedii «Vladimir Mayakovskiy». *Tvorchestvo V. V. Mayakovskogo v nachale XXI veka: novye zadachi i puti issledovaniya*. Moskva: IMLI RAN. 107—114. (In Russ.).
- Mayakovskiy, V. V. 1955—1961. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* Moskva: Gos. izd-vo khudozh. lit. (In Russ.).
- Medrish, D. N. 1980. *Literatura i folklornaya traditsiya: voprosy poetiki*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta. (In Russ.).
- Naumov, E. I. 1963. *V. V. Mayakovskiy: seminariy*. Leningrad: Gos. ucheb.-ped. izd-vo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR. (In Russ.).

- Nikitina, A. V. 2008. *Svechi v obryadakh smerti. Svecha v obryadakh perekhoda*. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. 7—36. (In Russ.).
- Novikov, N. V. 1974. *Obrazy vostochnoslavyanskoy volshebnoy skazki*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Papernyy, Z. S. 1958. Mayakovskiy v rabote nad poemoy «Pro eto» (Tri rukopisi poemoy). *Literaturnoe nasledstvo*, 65: 217—284. (In Russ.).
- Poznanskiy, N. 1995. *Zagovornye motivy. Zagovory: opyt issledovaniya proiskhozhdeniya i razvitiya zagovornykh formul*. Moskva: Indrik. 164—280. (In Russ.).
- Rybakov, B. A. 1994. *Yazychestvo drevnikh slavyan*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Sadovnikov, D. (ed.) 1876. *Zagadki russkogo naroda: sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach*. Sankt-Peterburg: Tipografiya N. A. Lebedeva. (In Russ.).
- Smirnov, I. P. 1978. Mesto «mifopoeticheskogo» podkhoda k literaturnomu proizvedeniyu sredi drugikh tolkovaniy teksta (o stikhotvorenii Mayakovskogo «Vot tak ya sdelalsya sobakoy»). *Mif — folklor — literatura*. Leningrad: Nauka. 186—203. (In Russ.).
- Tokarev, S. A. 1957. *Religioznye verovaniya vostochnoslavyanskikh narodov*. Moskva: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.).